ВЪ ДЕРЕВНѢ НА ЮГО-ЗАПАДѢ ВЪ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДАХЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

РОДИЛСЯ въ деревнѣ Писаревкѣ, Волынской губерніи, Староконстантиновскаго уѣзда. Отецъ мой, прослуживъ около тридцати лѣтъ, вышелъ въ отставку въ чинѣ полковника и поселился въ купленномъ у генерала польскихъ войскъ Подгороденскаго имѣніи, гдѣ я увидѣлъ въ первый разъ свѣтъ. Мы происходили изъ дворянъ Костромской губерніи, а мать моя, урожденная Кохановская, была дочерью мѣстнаго предводителя, владѣвшаго тысячью душами. Въ Писаревкѣ было двѣсти четырнадцать душъ мужскаго пола; имѣніе было куплено за восемнадцать тысячъ рублей. Хозяйство велось трехъ-польное, въ каждой изъ трехъ смѣнъ было по двѣсти морговъ земли,—счета на десятины тогда въ Юго-Западномъ краѣ не знали. Озимое поле по преимуществу засѣвалось пшеницей, родившей, безъ всякаго удобренія, иногда и самъ двадцать. Спустя два-три года куплена была отцомъ и другая деревня, Индыки, въ пяти верстахъ отъ Писаревки, гдѣ было сто шестьдесятъ душъ. Въ Писаревкѣ былъ винокуренный заводъ, содержалась тысяча испанскихъ овецъ, и заведена была суконная фабрика, на которой, кромѣ десятка нѣмцевъ, работало шестьдесятъ человѣкъ обоего пола, своихъ крестьянъ. Въ 1838 г. фабрика сдана въ аренду, чуть ли не первому, въ Юго-Западномъ краѣ, интелигентному еврею Беру. Онъ одѣвался въ короткое платье, читалъ газеты, знакомъ былъ съ нѣмецкой литературой, ѣлъ трефное, курилъ въ шабасъ; послѣднее, впрочемъ, онъ дѣлалъ очень секретно, такъ какъ при господствовавшемъ тогда между евреями фанатизмѣ, за эту провинность противъ вѣры можно было жестоко поплатиться. Кресть-

яне дѣлились на три разряда: паровыхъ и поединековъ, работавшихъ съ собственнымъ скотомъ, и пѣшаковъ, у которыхъ скота не было. Оброчныя статьи, т. е. питейный домъ и мельницы, водяную и вѣтряную, содержалъ старый еврей Хаимъ, жившій съ своей огромной семьей въ старой, деревянной корчмѣ, крытой соломою, почернѣвшей и обросшей зеленымъ мохомъ.

Помѣщики вели тогда въ деревнѣ жизнь изобильную и далеко не скучную, а для насъ дѣтей, самыми радостными въ году днями были зажинки, т. е. первый, и обжинки послѣдній день жатвы озимаго хлѣба, празднуемые обыкновенно съ большою торжественностью. Въ эти дни всѣ крестьяне работали не въ счетъ установленнаго количества дней (что носило названіе толоки) и получали угощеніе отъ помѣщика. Въ полдень высылался имъ хлѣбъ, творогъ, пироги, водка, огурцы, по окончаніи работы всѣ жители села являлись къ помѣщику, на обширномъ дворѣ котораго, возлѣ барскаго дома, разставляли столы съ угощеніями, напитками, и начинался пиръ, продолжавшійся иногда далеко за полночь.

Пиръ въ день обжинокъ обыкновенно начинался вечеромъ, слѣдующею церемоніей: бабы, окончивъ работу, плели два вѣнка: одинъ изъ пшеничныхъ колосьевъ, другой изъ ржаныхъ, потомъ выбирались двѣ самыя красивыя и бойкія дѣвки, на нихъ надѣвали эти вѣнки и, затѣмъ, всѣ, съ громкими пѣснями, большой гурьбой шли съ поля къ помѣщику. Мы, дѣти, стоя на крыльцѣ дома, въ торжественномъ настроеніи духа, съ нетерпѣніемъ ожидали веселую процессію. Вотъ, вѣтеръ доноситъ, наконецъ, до насъ звуки малороссійской пѣсни, не смотря на радость и торжество, все-таки унылой. Но какъ нарочно, вѣтеръ на минуту утихаетъ и опять ничего не слышно. Однакожъ, не проходитъ и двухъ минутъ, кажущихся вѣчностью, и всѣ сомнѣнія исчезаютъ; не смотря на сумерки, мы ясно видимъ, что изъ-за корчмы, стоящей на углу улицы, двигается большая толпа, а пѣсня льется уже широкой волной, и приводитъ насъ въ восторгъ и умиленіе. Войдя во дворъ, толпа устанавливалась въ слѣдующемъ порядкѣ; на первомъ планѣ стояли увѣнчанныя колосьями дѣвки, позади ихъ жены самыхъ почетныхъ въ селѣ крестьянъ паровыхъ, по сторонамъ ихъ мужья, а за ними остальные. Тогда появлялись на крыльцѣ отецъ и мать и принимали поздравленія. Снимать съ головы дѣвокъ вѣнки и вручать имъ по рублю, предоставлялось брату и мнѣ, что доставляло намъ не малое удовольствіе; потомъ начиналось угощеніе, которымъ занимались экономъ, т. е. управляющій, экономическій писарь, старый Хаимъ и старшіе дворовые люди. Выпивали ведеръ двадцать водки, бочки двѣ пива, столько же яблочнаго и грушеваго квасу. Закусывали хлѣбомъ, кнышами съ лукомъ, баранками, творогомъ, квашеными огурцами и капустой. Бабь и дѣвокъ подчивали гру-

шами, яблоками и сливами, собственнаго фруктоваго сада. Раздавали также бисеръ и красныя ленточки, а дѣтямъ мѣдные крестики. Обжинки были единственнымъ въ году днемъ, когда, въ урожайный годъ, довольные благопріятнымъ и успѣшнымъ окончаніемъ жатвы, помѣщики становились въ нѣсколько болѣе фамильярныя отношенія съ своими крестьянами.

Покойнаго отца крестьяне вообще любили и называли добрымъ паномъ. При его жизни я совсѣмъ не помню у насъ наказанія розгами, или какихъ бы то ни было истязаній.

Память моя достигаетъ очень ранняго дѣтства и я хорошо помню страшный не урожай 1834 года. У не богатыхъ и не запасливыхъ помѣщиковъ люди даже умирали съ голода. У сосѣда нашего, Василевскаго, въ селѣ Глибкахъ, появился тифъ и умерло болѣе пятидесяти душъ. Продавали жемчугъ, серебро, турецкія шали, чтобы купить хлѣба, но и за большія деньги трудно было его достать. Я очень хорошо помню, какъ въ одно лѣтнее, солнечное, воскресное утро, раздались радостные возгласы во всей деревни, при вѣсти, что помѣщикомъ раздобыто гдѣ-то въ Дубенскомъ уѣздѣ двѣ повозки ржи. Не смотря на праздничный день, рожь немедленно была отправлена на мельницу и въ слѣдующее утро я видѣлъ около сотни громадныхъ, горячихъ еще хлѣбовъ; ихъ разрѣзывали по поламъ, паръ валилъ изъ нихъ, и хлѣбъ раздавали голоднымъ семьямъ. Цѣловали тогда руки, кланялись въ ноги, крестились и благословляли добраго помѣщика, а спустя не много времени, жали уже жито, и страшному бѣдствію наступилъ конецъ. Вѣроятно, этотъ неурожай навелъ правительство на мысль завести сельскіе, запасные хлѣбные магазины, устроенные кажется въ 1836 году. Смотрителя этихъ магазиновъ выбирались изъ помѣщиковъ; первымъ былъ у насъ дядя мой Александръ Александровичъ Кохановскій. Русскихъ помѣщиковъ было тогда очень мало: въ нашемъ уѣздѣ жили полковникъ Королевъ, Аксюкъ, Чигринецъ, въ сосѣднемъ Заславскомъ: Нартовъ, Овсяный, — вотъ и всѣ, которыхъ я помню. Значительно позднѣе поселился въ мѣстечкѣ Красиловѣ отставной полковникъ гвардіи Чорба, женатый на владѣлицѣ этого мѣстечка княжнѣ Сапѣга. У ея отца, князя Януша Сапѣги, было тридцать тысячъ душъ, но, живя постоянно за границей, онъ прожилъ все почти имѣніе. Русскіе съ польскими помѣщиками жили дружно; у насъ бывалъ весь уѣздъ, хотя отецъ до самой смерти не говорилъ ни слова по-польски. Изъ поляковъ ближайшими сосѣдями были родители моей матери, дядя Александръ, подольскій предводитель графъ Пржездецкій, крестный отецъ покойнаго брата, Іодко, очень богатый человѣкъ, графъ Комаровскій, у котораго было семь взрослыхъ дѣвицъ дочерей и восьмая замужемъ за генераломъ Пенхержевскимъ, Подгороденскіе Маріанъ и Евгеній, Василевскій и его сынъ Вицюсь, учившійся одно время у насъ въ

домѣ, наконецъ, страшный кутила, князь Мартынъ Сапѣга. Самымъ просвѣщеннымъ былъ Маріанъ Подгороденскій; самымъ чиновнымъ Пржездецкій (онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и имѣлъ двѣ звѣзды), богатымъ Іодко, плутоватымъ Василевскій, а гордымъ и не доступнымъ мой дѣдушка Кохановскій. Онъ держалъ себя какимъ-то божкомъ; дѣти и домашніе предъ нимъ благоговѣли, чуть не молились на него. Это былъ старикъ въ высшей степени щекотливый, нервный, и если, бывало, что-либо хоть немного задѣвало его самолюбіе, онъ важно уплывалъ въ свои апартаменты, не выходилъ потомъ изъ нихъ цѣлыя недѣли и читалъ бабушкѣ дни и ночи предлинныя нотаціи о томъ, что его недостаточно цѣнятъ и уважаютъ. Къ нему, въ это время, рѣшительно никого не пускали, а если и допустятъ кого изъ дѣтей, родныхъ, или гостей, то передъ этимъ долго внушаютъ, какъ нужно отвѣчать на вопросы, какъ держать себя, какъ поклониться, какъ приложиться къ ручкѣ, какъ сѣсть, куда смотрѣть и, Боже упаси, чтобы не кашлянуть или чихнуть, потому что это раздражало дѣдушку.

Къ намъ, въ Писаревку, на моей памяти, въ продолженіе десятка лѣтъ, дѣдушка пріѣзжалъ всего два раза. О днѣ пріѣзда извѣщалось за нѣсколько недѣль впередъ и сколько было тревоги, приготовленій, заботъ! Поправлялась дорога, мостки, готовились для пробы блюда, предположенныя къ столу въ этотъ день, а намъ дѣтямъ дѣлались репетиціи, какъ войти, на какомъ разстояніи поклониться, какъ держать руки, какое придать выраженіе лицу.

— А если я расхохочусь?—разъ, легкомысленно, во время репетицій, спросилъ я.

— Ну и высѣкутъ,—отвѣчала гувернатка сестеръ Шафинская и побѣжала къ матери доложить о моихъ словахъ. Мать появилась на порогѣ классной, гнѣвная, мрачная, долго измѣряла меня съ головы до ногъ взоромъ и потомъ грозно произнесла:

— Безъ обѣда!—и удалилась.

Моя выходка внушала родителямъ моимъ серьезное опасеніе, что, пожалуй, я надѣлаю какую-нибудь бѣду; но вышло совсѣмъ не такъ: за обѣдомъ, дѣдушка, скушавъ половину куриной котлетки, другую половину, въ знакъ особаго благоволѣнія, приказалъ дать мнѣ и меня одного при прощаніи погладилъ по головѣ, за что я и былъ награжденъ отцомъ серебрянымъ рублемъ.

Оба визита дѣдушки сошли вполнѣ благополучно, такъ какъ на дорогѣ не оказалось ухабовъ, карета, запряженная шестерней съ форейторомъ и двумя лакеями на запяткахъ, катилась медленно, но плавно, гонецъ во время извѣстилъ, что экипажъ приближается и хозяева съ дѣтьми и домочадцами встрѣтили именитаго гостя на крыльцѣ, за обѣдомъ подавали любимыя дѣдушкой блюда и старое венгерское; разговоръ велся солидно, чинно, и никто не во время не кашлянулъ и не чихнулъ. При второмъ посѣщеніи слу-

чился впрочемъ казусъ, чуть-чуть не испортившій все дѣло: откуда ни возмись, никѣмъ незамѣченный вошелъ въ гостиную нашъ большой, пестрый котъ и, усѣвшись прямо противъ дѣдушки, началъ смотрѣть ему прямо въ глаза; бабушка вскрикнула, матушка ахнула, отецъ кинулся выгонять дерзкаго нахала, а дѣдушка такъ перепугался, что, не смотря на свои семьдесятъ лѣтъ, забывъ всю свою сановитость и важность, проворно вскочилъ съ ногами на диванъ. Когда котъ былъ унесенъ, минуты съ двѣ продолжалось гробовое томительное молчаніе; но вдругъ дѣдушка опустилъ на полъ ноги и продолжалъ прерванный разговоръ о политикѣ, т. е. о Донъ-Карлосѣ, воевавшемъ въ Испаніи, а потомъ, въ сотый разъ, вспоминалъ, какъ во время высочайшаго смотра въ 1818 году при селѣ Григоровкѣ, будучи предводителемъ, получилъ орденъ на шею, а бабушка на балѣ у владѣлицы Староконстантинова, графини Ржевуской, прошлась въ польскомъ съ императоромъ Александромъ I. Балъ этотъ обошелся графинѣ Ржевуской весьма дорого: онъ окончательно пошатнулъ ея дѣла; долги графини превышали стоимость имѣнія съ четырнадцатью тысячами душъ. Для разбора дѣлъ съ кредиторами высочайше назначена была комиссія, управлявшая имѣніемъ около тридцати лѣтъ. Не давно умершій въ Кіевѣ полковникъ Королевъ, нашъ сосѣдъ, былъ послѣднимъ предсѣдателемъ этой комиссіи.

Дядя Александръ хотя и вкусилъ немного отъ древа познанія въ Кременецкомъ лицеѣ, но былъ человѣкомъ мало интелигентнымъ; младшій дядя Евстафій, и тетка Емилія, вышли какими-то совсѣмъ неудачными. Можно было подумать, что въ этой семьѣ природа обезсилѣла, создавъ такую энергическую и буйную натуру, какой была моя мать, одаренная вдобавокъ умомъ, краснорѣчіемъ и даромъ убѣжденія.

Помѣщики вели жизнь разгульную, веселую, чиновники подражали имъ, ксендзы и уніаты тоже; одно только православное духовенство, загнанное, нищенствующее, вело труженическую жизнь, почти наровнѣ съ своими прихожанами-крестьянами. Хозяйствомъ и дѣлами занимались мало, книги и газеты читали рѣдко, больше охотились, плясали на балахъ и тянули водку и старое венгерское. Князь Мартынъ Сапѣга круглый годъ разъѣзжалъ: то на балъ, то на охоту, съ охоты на ярмарку, и опять на балъ и на охоту. Во всемъ околоткѣ выписывалось только четыре газеты—три польскія: дѣдушкой, Маріаномъ Подгороденскимъ и графомъ Пржездецкимъ, и одна русская «Сѣверная Пчела» получалась нами и вдобавокъ «Библіотека для Чтенія». У графа Бурковскаго была библіотека, но въ ней не было ни одной книги, а только стояли шкафы, а въ нихъ за стекломъ, разставлены были деревянныя колодки, на подобіе книгъ, съ золоченными буквами на корешкахъ.

У насъ также два раза въ годъ бывали балы: въ именины отца и матери, въ мартѣ и въ октябрѣ. Балы эти были сопряжены съ большими хлопотами, расходами и безпокойствомъ. Приготовлялись за недѣлю впередъ, тратились, а въ то же время опасались, что такъ какъ именины приходились осенью, и ранней весной, во время распутицы, то гости пожалуй не съѣдутся и выйдетъ скандалъ. Приглашать гостей считалось не приличнымъ, а только распускался слухъ, что въ день именинъ будутъ дома и милости просятъ пожаловать кому угодно. Въ дѣйствительности скандала никогда не случалось. Собиралось человѣкъ до полтораста помѣщиковъ, офицеровъ и старшихъ чиновниковъ. Мелкіе чиновники, простые шляхтичи, поповичи, никогда не дерзнули бы явиться къ помѣщикамъ, владѣющимъ ста душами и болѣе, т. е. настоящимъ помѣщикамъ, имѣвшимъ право голоса на выборахъ. Даже отставной поручикъ Чигринецъ, какъ очень мелкопомѣстный, четырнадцати-душевой, считалъ за большую честь, что его, все-таки офицера, принимали у насъ въ домѣ. Но на него смотрѣли свысока.

— Распорядись, братецъ,—бывало, въ день бала, говорилъ ему отецъ, и Чигринецъ усердно распоряжается и суетится съ большимъ рвеніемъ: бѣжитъ на конюшню посмотрѣть дали ли лошадямъ именитыхъ гостей овса, оттуда, по порученію матушки, въ кухню; хлопочетъ, чтобы за обѣдомъ аккуратно подавались блюда, досматриваетъ, чтобы гостямъ во время было подлито въ рюмки вино.

До бала, въ теченіе недѣли, чистили комнаты, шили дѣтямъ одежду, людямъ поправляли или дѣлали новыя ливреи, варили, жарили. Наканунѣ бала обыкновенно пріѣзжалъ изъ города Кременца кондитеръ и привозилъ конфекты, торты, сахарныя пирамиды, или корзины съ имитаціей фруктовъ для украшенія обѣденнаго стола. Онъ приготовлялъ также мороженное, оршадъ, лимонадъ и еще какіе-то шипучіе прохладительные напитки. Музыку, если она находилась вблизи, брали военную, если же не было ее, приглашали странствующихъ чеховъ, а въ крайнемъ случаѣ брали и еврейскихъ музыкантовъ. Графъ Пржездецкій своего оркестра, состоявшаго изъ пятидесяти человѣкъ, въ наемъ не отпускалъ. У дѣдушки тоже одно время была своя музыка, но ее распустили, когда я былъ еще очень маленькимъ.

Гости начинали съѣжаться часовъ съ десяти утра, а къ полудню дворъ былъ уже полонъ экипажей, а домъ гостей. Въ диванной, спальнѣ и дѣтскихъ, дамы и дѣвицы одѣваются; въ гостиной хозяева встрѣчаютъ новыхъ гостей; въ залѣ, биліардной и кабинетѣ отца мужчины передаютъ другъ другу новости, расхаживаютъ, курятъ. Въ числѣ ихъ находится также и восьмидесятилѣтній хорунжій Хоментовскій, послѣдній изъ могиканъ въ нашемъ околоткѣ, носившій еще польскій кунтушъ и жупанъ, съ атласнымъ вышитымъ серебромъ и шелкомъ поясомъ.

Къ тремъ часамъ всѣ уже въ сборѣ и кавалеры попарно съ дамами идутъ къ обѣденному столу. Ахъ да! я забылъ сказать, что мужчины обязательно перецѣловали уже ручки у всѣхъ присутствующихъ дамъ и дѣвицъ, знакомыхъ и незнакомыхъ. За большимъ столомъ въ залѣ сидятъ самые почетные гости, по одну сторону дамы, по другую мужчины. Разсаживая ихъ, хозяева въ извѣстной степени соблюдаютъ чинопочитаніе, обращая вниманіе на старшинство лѣтъ и общественное положеніе каждаго гостя. Менѣе знатные гости садятся за другими столами въ разныхъ комнатахъ и гдѣ попало. Обѣдъ тянется часа два и болѣе, такъ какъ блюдъ много, а между ними большіе промежутки. Пока-то разнесутъ, вымоютъ тарелки и блюда, принесутъ новыя! Половина прислуги уже пьяна. Хозяевамъ просто горе: мать раскраснѣется какъ пурпуръ, отецъ теряетъ терпѣніе и, обращаясь къ Чигринцу, еще разъ уныло произноситъ:

— Распорядись, братецъ!

Послѣ обѣда сейчасъ же начинались танцы. Шалей и котильоновъ уже не танцовали, а какъ и теперь, польскій, мазурку, вальсъ, голопъ, кадриль; полька вошла въ моду лишь въ концѣ сороковыхъ годовъ. Пока дѣвицы и молодыя дамы танцовали съ молодежью, пожилыя женщины сплетничали, а потомъ дремали, мужчины играли въ карты, по преимуществу въ ландскнехтъ, называвшійся у насъ діабелкомъ. Въ банкѣ случались цѣлыя горы ассигнацій, червонцевъ и пецовъ, т. е. полуимперіаловъ. Выигрывались и проигрывались большія суммы. Въ игрѣ учавствовалъ также и сосланный на жительство въ м. Красиловъ, великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, извѣстный игрокъ Сельвестровичъ, но метать ему не позволяли. Этотъ аферистъ и фокусникъ сопровождалъ наши войска въ 1814 г. въ Парижъ и говорятъ, играя въ карты, ворочалъ милліонами. Сельвестровичъ игралъ на билліардѣ такъ искусно, что каждую партію выигрывалъ всегда сразу. Гости разъѣзжались на слѣдующій день со свѣтомъ, мать, проклиная ихъ въ душѣ, долго дѣлала отцу сцены, но, несмотря на это, и на слѣдующія именины у насъ опять бывалъ балъ. Со смертью отца балы прекратились. Дѣло ограничивалось именинными обѣдами, а потомъ чаемъ. Съѣзжалось не болѣе двухъ-трехъ десятковъ человѣкъ.

Въ административномъ мірѣ первымъ лицомъ въ уѣздѣ былъ служившій по выборамъ предводитель дворянства, потомъ тогда выбираемые уѣздный судья, засѣдатели и смотрители хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, а коронными капитанъ-исправникъ, ассесоры, стряпчій, доктора—уѣздный и городской, казначей и почтмейстеръ. Дѣла велись еще по литовскому статуту. Сводъ нашихъ законовъ введенъ былъ въ краѣ въ сороковыхъ годахъ. Казенные чиновники держали себя, по отношенію къ помѣщикамъ, осторожно,

сдержанно, а къ богатымъ и въ особенности знакомымъ съ губернаторомъ относились съ замѣтнымъ подобострастіемъ. Взяточничества было мало, такъ какъ выборные чиновники первенствовали и не допускали его. Оно завелось позднѣе. Правда, что исправнику, ассесорамъ, казначею и почтмейстеру посылались хлѣбъ, овесъ, сѣно, но это дѣлалось больше изъ любезности, или если случалось въ имѣніи что-либо исключительное: кто-нибудь утопится или повѣсится. Подати платили аккуратно, рекрутъ ставили исправно. Тутъ, со стороны помѣщиковъ, былъ полнѣйшій произволъ. За малѣйшую провинность, или просто по капризу, отдавали въ рекруты семейныхъ людей, оторвавъ отъ женъ и дѣтей. Это насильственное калѣченіе священныхъ узъ родства составляетъ самое темное пятно въ исторіи крѣпостничества. Бывало нежданно-негаданно врываются въ мирную семью панскіе гайдуки, хватаютъ, обезпамятѣвшаго отъ ужаса, одного изъ членовъ ея, и уводятъ, иногда навсегда, въ жертву любострастія или глупѣйшей фантазіи.

Къ евреямъ относились съ большимъ пренебреженіемъ. Говорили всѣмъ имъ, за исключеніемъ одного Бера, ты; изъ числа евреевъ уѣзда помѣщики сажали въ своемъ присутствіи только трехъ человѣкъ: Бера, очень богатаго тестя его Красносельскаго, и Іося Рубинштейна. У послѣдняго было болѣе двухъ сотъ тысячъ рублей, что составляло тогда огромныя деньги; но онъ ходилъ въ рваномъ кафтанѣ, въ грязной рубашкѣ и съ голою грудью. Извѣстный нашъ богачъ Эпштейнъ разбогатѣлъ позже. Этотъ чудакъ дрожалъ надъ каждою копейкой, ѣздилъ въ третьемъ классѣ, а когда этому удивлялись, то отвѣчалъ:

— Развѣ я виноватъ, что въ Россіи нѣтъ, какъ въ Германіи, четвертаго класса?

А въ то же время на общественныя дѣла, онъ, не задумываясь, жертвовалъ цѣлыя тысячи.

Еврейскихъ дѣтей отдавали въ кантонисты. Торговля гораздо болѣе чѣмъ теперь была въ рукахъ евреевъ. Дворяне считали постыднымъ торговать, крестьянамъ дѣлать это не дозволяли помѣщики; мѣщане торговали только волами и свиньями, а торговлей хлѣбомъ, виномъ, водкой, шерстью, краснымъ, галантерейнымъ и бакалейнымъ товарами, занимались одни евреи. Изъ христіанъ, я помню только три торговые дома: нѣмцы Шафнагель и Бросманъ продавали инструменты и предметы роскоши, первый въ Бердичевѣ, а второй въ Проскуровѣ, и въ Староконстантиновѣ русскіе купцы Григорій и Пантелей Журавлевы торговали мѣхами, мѣдью, красными и бакалейными товарами.

Изъ политическихъ событій края, въ тридцатыхъ годахъ, первое мѣсто, послѣ польскаго возстанія 1831 г., безъ сомнѣнія, занимаетъ открытый въ 1839 г. заговоръ Канарскаго. Къ нему при-

надлежало очень много лицъ, но директоръ канцеляріи генералъ-губернатора, Писаревъ, которому Бибиковъ вполнѣ довѣрялъ, какъ-то такъ устроилъ, что сосланы были относительно не многіе и то люди среднихъ состояній, богатые же, побывавъ въ Кіевѣ и посидѣвъ тутъ нѣкоторое время въ казематѣ, или на свободѣ, преспокойно возвращались потомъ домой. Изъ числа нашихъ знакомыхъ сосланы были только Маріанъ Подгороденскій и нѣкто Обнинскій, при арестѣ котораго мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ; оба молодые люди, хорошаго шляхетскаго рода, но не владѣвшіе имѣніями. Съ заговоромъ Канарскаго угасъ для поляковъ послѣдній лучъ надежды возстановить когда-либо свое владычество на юго-западѣ.

Хотя я былъ тогда еще очень малъ, но заговоръ Канарскаго мнѣ очень памятенъ, въ особенности по траги-комическому случаю съ Обнинскимъ, происходившему у моей бабушки уже послѣ кончины дѣдушки, умершаго въ 1838 г. Случай произошелъ въ обширномъ домѣ ея села Монекъ. Но прежде чѣмъ продолжать, я долженъ сказать нѣсколько словъ о бабушкѣ. Это была старушка маленькаго роста, полная, кругленькая, добродушная, гостепріимная, но безтактная и порядочно безтолковая. Съ нами она не важничила, какъ ея супругъ, а напротивъ фамиліарно разговаривала, играла въ карты, показывала картинки въ книгахъ, но толку не смыслила ни въ чемъ, до смѣшного. Бывало смотритъ она въ книгу, а видитъ Богъ знаетъ что̀: животныя, напримѣръ, ей представляются людьми, люди цвѣтами, а видъ города Невшателя она приняла однажды за человѣческія лица.

— Видишь какой старикъ, — говоритъ она мнѣ, указывая на изображеніе Нефшателя.

— Это, бабушка, не старикъ, — чуть не прыснувъ отъ смѣха, отвѣчалъ я.

— Старикъ, когда я говорю, что старикъ,—обидѣвшись возразила бабушка. — Смотри, вотъ носъ, — и она ткнула пальцемъ въ гору,—а вотъ борода, да и какая кудластая... и бабушкинъ палецъ направился къ изображеніямъ городскихъ строеній.

— А гдѣ глаза?—лукаво спрашиваю я.

Но бабушка и тутъ не потерялась, такъ какъ Невшательское озеро выручило ее. Я уже хорошо зналъ, что со старшими слѣдуетъ соблюдать политику и, сдѣлавъ надъ собою усиліе, прикинулся, что повѣрилъ бабушкѣ.

Играть съ бабушкой въ карты было очень забавно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выгодно. Играли въ преферансъ, покупать никому не дозволялось, а всегда она сама покупала. Бывало объявитъ кто-нибудь семь, бабушка покупаетъ восемь, объявитъ десять, она сердится и провозглашаетъ:

— Десять! Какъ ты смѣешь спорить, если я покупаю!

А потомъ оказывается, что у нея нѣтъ и простой игры и она остается безъ пяти, но ремиза ни за что̀ не хочетъ ставить.

По окончаніи игры счетовъ не сводилось, а бабушка давала намъ по нѣсколько злотыхъ, и мы оставались очень довольными.

У старушки было много причудъ и всѣ одна другой потѣшнѣе. Вотъ разъ и случилось то, что̀ я хочу разсказать.

Проживъ съ десятокъ лѣтъ въ деревнѣ, покойный отецъ опять поступилъ на службу по гражданской части; онъ назначенъ былъ въ Варшаву на весьма видный постъ. Отецъ уѣхалъ раньше насъ, чтобы устроившись въ этомъ городѣ, перевезти тогда и семью, пока же мы гостили у бабушки. У нея, со смерти мужа, пошла страшная безалаберщина и домъ походилъ на гостинницу, въ которой постоянно жила цѣлая куча гостей болѣе изъ мелкопомѣстныхъ и приживальщиковъ обоего пола. Всѣ они ѣли вдоволь, пили, веселились, сплетничали, то ссорились, то мирились, хозяйку дома въ ея отсутствіе бранили, а въ глаза льстили ей и при всякомъ удобномъ случаѣ обдирали. И на этотъ разъ въ домѣ находилось около двадцати душъ постороннихъ объѣдалъ и обирательницъ. Было лѣто, и гости помѣщались кто въ домѣ и во флигелѣ, а кто въ бесѣдкахъ въ саду и оранжереяхъ. Намъ отведены были двѣ лучшія въ домѣ комнаты изъ числа предназначенныхъ для гостей. Окна ихъ выходили въ садъ и расположены они были рядомъ съ большой залой, гдѣ стоялъ рояль. Я помню, что хотя намъ, дѣтямъ, обязательно было ложиться въ постель въ девять часовъ, но мнѣ обыкновенно долго не удавалось заснуть, такъ какъ мѣшали, то музыка и танцы въ залѣ, то пѣніе въ саду, продолжавшееся далеко за полночь. Въ одинъ прекрасный день, въ сумерки, когда всѣ были уже въ сборѣ въ залѣ, а я съ большимъ прискорбіемъ съ минуты на минуту ожидалъ, что меня ушлютъ въ дѣтскую, вдругъ, вдали, раздались звуки колокольчиковъ; все общество притихло и стало прислушиваться, притаивъ дыханіе. Это было какъ разъ во время самаго разгара арестовъ по дѣлу Канарскаго, а такъ какъ ѣздить съ колокольчиками дозволено было только полиціи, то не трудно было догадаться, что ѣдутъ непрошенные гости, при томъ же, если они, вопреки принятому этикету, катятъ въ помѣщичій домъ въ такую позднюю пору, то безъ сомнѣнія быть бѣдѣ.

— Они ѣдутъ за паномъ Обнинскимъ, — отозвался, наконецъ, кто-то.

— Да здравствуетъ отчизна! — воскликнулъ Обнинскій. — Радуюсь, что я за нее несчастную погибну!

Въ залѣ поднялся страшный переполохъ. Всѣ въ одинъ голосъ заговорили, совѣтовались, разсуждали, разумѣется безъ толку, а бабушка хотя также перепугалась, но ей въ то же время казалось

чѣмъ-то неестественнымъ, просто немыслимымъ, чтобы она, сама пани маршалкова, могла потерять резонъ. И вотъ, второпяхъ, она заговорила:

— Не бойся, панъ Обнинскій! Они не посмѣютъ сдѣлать тебѣ зла! Какъ! У меня въ домѣ! Въ моемъ присутствіи! Да развѣ я позволю!

— Не забудьте, пани маршалкова,—отозвался Обнинскій,—что это полиція, жандармы!

— Ну, такъ что же что жандармы! А я развѣ уже не маршалкова? Не первое лицо въ уѣздѣ?

— Но что же вы въ состояніи сдѣлать? — замѣтилъ кто-то.

— Какъ что?—въ большомъ азартѣ возразила бабушка.—Да я просто прогоню ихъ! Не пойдутъ! Ну, я стану вопить прямо къ небесамъ, жалуясь на такую несправедливость! На крышу полѣзу и стану оттуда кричать! Таки полѣзу! Лѣзу! Лѣзу уже!

И совсѣмъ растерявшись, сама не помня себя, бабушка раскраснѣлась, распѣтушилась и начала звать свою прислугу.

— Павелекъ! Михалекъ! Раманекъ! — что было мочи кричала она.—Сюда! Скорѣй! Бѣгите за мной! Давайте мнѣ лѣстницу, я на крышу полѣзу! Живѣй! За мной!

Цѣлая дюжина перепуганныхъ бабушкиныхъ лакеевъ гурьбой вбѣжали въ залу, а она, какъ ни удерживали ее, отъ большого волненія совсѣмъ потерявъ голову, никого не слушала и выбѣжала изъ дома. Услужливые же лакеи, исполняя приказъ своей пани, успѣли уже приставить лѣстницу къ стѣнѣ. И полѣзла бабушка, поддерживаемая приживальщиками и лакеями на крышу. Едва успѣла она туда добраться, какъ двѣ тройки вкатили во дворъ. На одной повозкѣ сидѣлъ капитанъ-исправникъ и ассесоръ, а на другой жандармы: офицеръ и солдатъ. Не трудно вообразить ихъ удивленіе при видѣ картины представшей предъ ихъ глазами: на обширномъ дворѣ, такъ какъ всѣ бывшіе въ домѣ выскочили, большая толпа, и всѣ смотрятъ на крышу дома, гдѣ сидитъ бочкообразная старуха, хозяйка дома, и что-то вопитъ.

«Св. Антоній! Юзефе свентый!» раздавалось съ крыши. Бабушка еще что-то громко кричала, жалуясь небу на несправедливость на землѣ, но ни тутъ, ни тамъ, никто не обращалъ уже на пани маршалкову вниманія. Пріѣхавшіе сошли съ повозокъ, исправникъ, указывая на крышу и ткнувъ себѣ пальцемъ въ лобъ, что-то проговорилъ жандармскому офицеру и тотъ усмѣхнулся. Взоры всѣхъ обратились къ пріѣзжимъ, а они втроемъ, жандармъ, исправникъ и ассесоръ, подошли прямо къ пану Обнинскому, что нужно было сказали ему, потомъ усадили его на одну изъ повозокъ, повернули оглобли и исчезли съ глазъ нашихъ. Только вѣтеръ, среди гробового молчанія, такъ какъ бабушка утихла, все слабѣе и слабѣе

доносилъ звуки удаляющихся колокольчиковъ. Слѣзла бабушка съ крыши, и потомъ долгое время всѣхъ увѣряла, что если, не смотря на всѣ ея мольбы, дошло до того, что какой-нибудь москаль-исправникъ старше маршалковой, то значитъ, что теперь нѣтъ уже правды не только на землѣ, но и у святыхъ угодниковъ на небесахъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, мы уѣхали въ Варшаву.

Н. Шигаринъ.